

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13

Н. С. Рыбаков

HUMANITATIS STUDIIS В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СТРАДАНИЯ ВОКРУГ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ¹

В данной статье, намеренно написанной в полемической форме, автор, не подвергая сомнению значимость естественных наук, обращает внимание на их недостаточность и даже принципиальную ограниченность в деле понимания мира и человека. Гуманитарные науки нельзя рассматривать лишь как дополнение к естественным — в системе образования они занимают не только равное место с ними, но и претендуют на доминирующую роль.

Ключевые слова: закон природы, мироздание, материальное, идеальное, вульгарный материализм, гуманизм.

N. S. Rybakov

HUMANITATIS STUDIIS IN THE SYSTEM OF EDUCATION: SUFFERINGS ROUND NATURAL SCIENCES

In this article, intentionally written in a polemic form, the author, not exposing meaningfulness of natural sciences to the doubt, focuses on their insufficiency and even narrow-mindedness in understanding of the world and man. The humanities can not be regarded only as an addition to natural sciences: the humanities do not only have parity with sciences in the system of education but claim to dominate in it.

Keywords: natural law, the universe, material, ideal, vulgar materialism, humanism.

В системе российского образования существуют два основных ряда учебных предметов — естественнонаучный и гуманитарный. Есть и другие, но о них в настоящей статье речи не будет, как не пойдет речь и об указанных предметах в узко прагматическом плане. И все же мы начинаем с общеизвестного, чтобы поставить целый ряд вопросов, размышления над которыми и составят содержание публикуемых материалов.

Итак, предметы естественнонаучного и гуманитарного цикла. Какова конечная цель их изучения? На что они направлены? Что дают они человеку? Разумеется, можно удивиться и задать встречный вопрос: а разве автору не ведомо, зачем они изучаются? Это ж всем понятно. Понятно-то понятно, да вот только нет ясности от этой понятности. Не исключаю, что это состояние — чисто индивидуальное авторское. А вдруг тут скрывается нечто более серьезное?

Естественнонаучные предметы дают знания о природе, раскрывают перед учеником и студентом удивительный и таинственный мир, говорят о его сложном устройстве, величественности и грандиозности. Исследуя природу, разгадывая ее тайны, человек отгачивает наблюдение, накапливает опыт, развивает мышление, достигает тонкости, изощренности в доказательстве и аргументации, учится фантазировать, путешествует по далеким мирам. Изучение природы дает человеку могущество, новые источники энергии, материалы, продукты питания. Природа — исток благоговейного созерцания, любования и преклонения, восхищения открывающейся грандиозной картиной мироздания. Изучая природу, человек уточняет и свое место в мире.

Структура мира, точнее, Вселенной чрезвычайно чувствительна к численным значениям ряда физических констант, и даже небольшое отклонение в ту или иную сторону значений

заряда электрона, постоянной Планка, скорости света и ряда других угрожает ее стабильному существованию. Это обстоятельство выражено в так называемом антропном принципе. Человек живет в довольно узком температурном, радиационном, гравитационном и других физических и химических интервалах, что дает основания говорить о хрупкости² существования жизни, в том числе и человека, на Земле, как бы напоминая о непреходящей ценности человека, человеческой жизни, всего живого. Б. П. Вышеславцев говорит о законе всеобщего трагизма бытия, согласно которому все «возвышенное, благородное, драгоценное есть вместе с тем самое хрупкое и уязвимое. Человек более уязвим, нежели растение; растение — более уязвимо, нежели камень...». «Что же касается механики атомов и химических процессов, то она вообще остается незыблемой при всякой мировой катастрофе, при всякой гибели земли, ибо низшая ступень физико-химического бытия есть самая прочная ступень» [3, с. 222].

Жизнь уникальна и в иных вариантах, кроме земного, она человечеству пока еще неизвестна. Обращаясь к истории возникновения Вселенной, вместе с автором одного из учебных пособий невольно хочется воскликнуть: «Великое счастье для нас, что в первичном веществе был избыток протонов над нейтронами. Благодаря ему остались во Вселенной несвязанные протоны, и впоследствии образовался водород, без которого не светило бы Солнце, не было бы воды, не могла возникнуть жизнь. Не было бы жизни, не было бы и человечества. Так наше существование и сама возможность познания Вселенной прямо определяется отдаленным прошлым, начальными моментами Вселенной» [4, с. 340]. Если же учесть, что возраст Вселенной составляет по разным подсчетам от 15 до 20 млрд. лет, то проникаешься особым чувством благодарности к грандиозному процессу возникновения и эволюции Вселенной, случайно (или намеренно?) реализовавшему именно такие, а не иные величины физических констант, без чего нас никогда и не было бы.

Все здесь, казалось бы, чрезвычайно ясно и основательно. Кто ж против науки, особенно естествознания с его фундаментальностью будет возражать! Правда, находятся и такие, существует даже целое движение, называемое антисциентизмом, направленное против засилья науки и предостерегающее, чтобы из естественных наук человечество не сотворило себе кумира, не превратило их в фетиш, не стало идолопоклонничать перед естественнонаучным знанием. А тенденция к этому есть, и она довольно сильна, культивируя в настроениях и умах не только ученых, но и обывателей, то позитивистский скепсис, то технократическую надменность.

В чем же дело? Наука, утверждает цитированный выше В. М. Найдыш, стремится к максимальной точности и объективности. «Одна из главных особенностей науки состоит в том, что она нацелена на отражение объективных сторон мира, т. е. на получение таких знаний, содержание которых не зависит ни от человека, ни от человечества. Наука стремится, прежде всего, построить объективную картину мира, т. е. отразить его так, как он существует как бы «сам по себе», независимо от человека. Никакой другой компонент духовной культуры (ни искусство, ни идеология, ни религия и т. д.) такой цели перед собой не ставит» [5, с. 12]. Вот, оказывается, где собака зарыта! Эволюционирующая Вселенная «постаралась» создать такие условия, чтобы в ней мог поселиться (вселиться) человек, а естественные науки стремятся изгнать его из мира, проигнорировать его наличную данность при изучении разных там физических, химических и прочих процессов. Но коль скоро это так, то возникает законный вопрос о том, насколько эти самые естественные науки, воюющие с человеком, нужны человеку? Возникает парадокс: и без них нельзя, и с ними невозможно! Это наводит на мысль, что естественнонаучные предметы при всей их существенности все же страдают какой-то ограниченностью.

Чтобы разобраться в этой проблеме, начнем с рассуждений на общие темы. Философия стремится изучать мир в целом. Такой мир называется Универсумом. Вместе с тем философия четко констатирует, что человек находится в особом отношении к Универсуму. Эта особость фиксируется в форме оппозиции **Я** — **не-Я**, где под **Я** в обобщенной форме понимается человек с его мышлением, разумом, сознанием, духовностью, культурой, тогда как под **не-Я**

подразумевается все, что противостоит, опять-таки в предельно обобщенной форме, данному **Я**. И возникает двойственная ситуация, подмеченная еще Г. Риккертом [6, с. 448–458]: то ли мировое целое следует брать вне **Я**, то ли оно необходимо должно включать в себя не только **не-Я**, но и **Я**. В первом случае оппозиция становится оправданной, при этом, добавим мы, становится оправданным и намерение естествознания брать мир как он есть, «без человека». Но тогда мир в целом, Универсум, утрачивает свой смысл именно как Универсум, как все в себя вбирающее, поскольку человек «выставляется» за пределы мира, то есть естественной природы. Во втором случае **Я** и **не-Я** оказываются необходимейшими частями Универсума и его в принципе нельзя рассматривать вне человека, независимо от него. Но в этом случае благородное намерение естествознания брать мир, как он есть, сам по себе, априори деформирует картину мира, не давая объективной истины, и естественным наукам тогда следует отказать в доверии в ходе познания природы, если они стремятся обойтись без человека. Иными словами, естественнонаучное знание необходимо должно включать в свой состав не только природу, но и человека, то есть быть человекомерным.

А. Ф. Лосев пишет: «Говорят, человек есть часть природы. Это — неправильно, потому что в человеке природа обязательно есть; а есть ли человек в природе, это — вопрос факта: в природе в то или иное время может и не быть человека.... Потому не человек есть часть природы, а природа есть часть человека... Человек есть не только животный организм, но и социальное существо. Человек имеет не только физическое тело, но и личность. Человек не только вещь, но и дух, душа, личность, субъект, «я», сознание, самосознание. Куда деть человеку его собственное «я»? Это «я» нельзя уничтожить или растворить в процессах физико-химических или биологических» [7, с. 385]. Человек вносит в познание мира нечто такое, что не может быть описано исключительно в терминах естествознания, пытающихся изобразить мир сам по себе. Да и, по большому счету, рассмотрение мира самого по себе, вне человека — нон-сенс: человек должен от себя, через себя, с помощью своего мышления, разума изобразить мир так, как будто бы в нем не должно быть самого человека. Такое требование равнозначно самоликвидации и человека, и человечества. Но на него, к сожалению, человек вынужден порой соглашаться, лишаясь знания самого сокровенного — знания жизни, знания самого себя, утрачивая тем самым возможность глубже постичь мир в человеческой проекции.

А. Ф. Лосев подчеркивает, что знание законов природы не есть жизненное знание, поскольку закон лишь дает картину того, что есть, но он не в состоянии объяснить, почему закон именно такой, а не другой. Закон, говорит он, есть преклонение перед роком. «Ясно, что законы природы есть только отражение реально данной картины природы. А почему реальная картина природы именно такова, этого никакие законы не объясняют» [8, с. 28]. В другом месте: «Жизнь есть химический процесс; и когда организм умирает, в нем происходят тоже химические процессы и *по тем же самым* общехимическим законам; и когда организм умер и уже разлагается, то в нем тоже происходят самые обыкновенные химические процессы, и не по каким-нибудь новым, а все по тем же самым общехимическим законам, что и рост, и жизнь, и умирание живого организма. После этого — можно ли, *предварительно не зная*, что такое жизнь, определять жизнь как физико-химическое явление? Если жизнь и смерть есть одновременно физико-химический процесс. Можно ли на основании только общих физико-химических законов судить о том, где жизнь и где смерть?» [9, с. 28–29].

Естественнонаучное знание, давая человеку много положительного, тем не менее, страдает существенными дефектами, поскольку стремится изобразить мир, разные его состояния, явления, процессы без и вне человека, то представить бытие и функционирование мира лишь в одной проекции. В этой связи и возникает необходимость обратиться и к другой составляющей мира — к человеку, направить усилия на его постижение и дать целостную картину бытия. Для этого как раз и предназначены гуманитарные науки, которые порой рассматриваются как дополнительные к наукам естественного цикла. В общем и целом статус их понятен. И все же многое здесь тоже нуждается в осмыслении и прояснении. При этом следует подчеркнуть, что гуманитарные науки, изучающие человека и все, что с ним связано, если

они замыкаются только на человеке, в той же мере же односторонни, что и естествознание, сосредоточивающееся на одной лишь природе вне человека.

Гуманитарные науки, в противовес естествознанию, сосредоточиваются на изучении человека, но изучают они не внешний, телесный состав человека, а внутренний, душевный. Душевное, пишет И. А. Ильин, не пространственно, не протяженно, не материально, хотя оно и длится во времени. Для того, чтобы уловить душу, «недостаточно замечать и рассказывать то, что человек бесхитростно переживает; на самом деле здесь нужна гораздо более сложная и тонкая познавательная техника...» [10, с. 19–20]. Возможно, термин «техника», использованный здесь И. А. Ильиным, не очень удачен, поскольку имеет операциональный смысл и относит читателя сразу к технике естественнонаучного эксперимента, а потому лучше взять термин «метод» и говорить о своеобразии постижения внутреннего, душевного состава человека. При этом, когда обращаются к изучению человека, то первое, с чем сталкиваются, так это с необходимостью выявить специфичность его бытия, выражающуюся в жизни. «Жизнь, — по выражению В. Дильтея, — заключается во взаимодействии живых существ» [11, с. 129]. При этом, подчеркивает он, слово «взаимодействие» означает здесь переживание. Познание жизни, с его точки зрения, строится на принципе переживания, заключающемся в том, что «все, что существует для нас, как таковое дано лишь в настоящем» [12, с. 131]. Оставляя вне рамок настоящей статьи специальный анализ переживания, мы хотим еще раз обратить внимание на специфичность познания человека и на довольно-таки ограниченные возможности в этом деле естествознания. К сожалению, об этом приходится говорить снова и снова в связи с различными случаями.

Один из таких случаев достаточно серьезен, чтобы можно было пройти мимо него. Мы имеем в виду сенсационный успех биологической науки, заключающийся в том, что путем клонирования было создано млекопитающее, овечка Долли, зачатое неполным путем и из неполовой клетки взрослого животного, после чего на страницах научной и околонаучной печати началось бурное обсуждение темы клонирования человека. Здесь возникает масса сложных проблем, вызванных тем, что человек — существо социальное, разумное, обладающее личностным началом, юридическими правами, нравственное, верующее, так что клонирование человека может обернуться множеством непредвиденных и непредсказуемых последствий, способных уничтожить *Homo sapiens*’ а как вид.

Не анализируя здесь аргументы как «за», так и «против», мы обращаемся к тексту «Декларации в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований», которая подписана 31 ученым мира, среди которых два лауреата Нобелевской премии, и все они являются лауреатами Международной академии гуманизма, что само по себе весьма примечательно. Уважаемые ученые пишут: «Насколько может судить научная мысль, вид *Homo sapiens* принадлежит к царству животных. Способности человека, как представляется, только по степени, а не качественно, отличаются от способностей высших животных. Богатство мыслей, чувств, упований, надежд, человечества возникает, по всей видимости, из электрохимических процессов в мозге, а не из нематериальной души, способы действия которой не может обнаружить ни один прибор. Поэтому нынешние дебаты по поводу клонирования заставляют, прежде всего, задаться таким вопросом: действительно ли защитники сверхприродных или религиозных аргументов имеют достаточно серьезную квалификацию для участия в этих дебатах?» [13].

В Декларации обращает на себя внимание то, что, разумеется, уважаемым ученым-естествоиспытателям философия и религия не указ, они с успехом могут пренебречь ими. Но все же не мешало бы знать, что азбучной истиной является установленная Гегелем закономерность превращения количества в качество, столь богато и впечатляюще подтверждающаяся прежде всего в бытии самой природы. Но то, возможно, неведомо Нобелевским лауреатам и академикам масштаба помельче?! Неужели у каждого из них интеллектуальные способности лишь количественно превосходят способности млекопитающих животных, и, не исключено, что когда-нибудь в не столь отдаленном будущем какое-то животное поднатужится и полу-

чит Нобелевскую премию за исследование нас, разумных двуногих, так поражающих своей близостью к высшим животным? И число лауреатов Международной академии гуманизма в итоге, несомненно, увеличится.

Какая уж тут психология с философией и религией, если, по заверению уважаемых естествоиспытателей, с мыслями, чувствами, упованиями, надеждами дело обстоит до примитивизма просто: они возникают в мозге из электрохимических процессов и — никаких проблем! Совершенно не нужны ни внешний мир, ни общество, ни семья, ни что-либо иное — подключился к евророзетке, вызвал в мозге электрохимические процессы и — уповай, надейся, сколько хочешь. Не забывай при этом платить по счетчику за потребление электроэнергии! Высшим же упователем на всякие там надежды, чувства, прочие разные эмоции остается, по всей видимости, изобретенный человечеством электрический стул — на нем-то можно добиться аж сверхэлектрохимических процессов! Электрический стул — это вам не какая-то там нематериальная душа, а серьезный прибор! Браво, господа лауреаты Международной академии гуманизма! Да здравствует международный гуманизм! Или псевдогуманизм?

Очень все сочиненное в Декларации заманчиво и ясно, этакое удивительное однообразие, этакая чудесная редукция — все страсти суть электрохимические процессы и никаких тебе неожиданностей. Куда уж там до этого «глубокомыслия» христианской аскетике, анализирующей внутреннюю душевную жизнь человека и до тонкостей исследующей ее тончайшие многообразные проявления. К примеру, священномученик Петр Дамаскин (ум. в 1157 г.) [14, с. 200–206] насчитал 298 разных страстей и 228 добродетелей, о действии которых в нашей жизни многие академики и ученые рангом поменьше, видимо, и не подозревают. Неужели все это — тоже лишь электрохимические колебания в головном (а быть может, и в спинном тоже!) мозге человека? Но можно ли по электрохимическим колебаниям в мозгу человека отличить гения от идиота, доброго человека от опасного преступника, папу римского от бездомного бродяги — ведь колебания-то совершаются у всех одинаково, разве что только частота и амплитуда их бывает различной. И все же, спрашивается, можно ли по форме кувшина определить, что в нем хранится? Прав был цитированный выше А. Ф. Лосев, что жизнь и смерть протекают по одним и тем же физико-химическим законам и на их основе нельзя отличить, где жизнь, а где смерть, а потому такое знание оказывается знанием бесполезным. Науке безразлично, где жизнь, а где — смерть. Она — внегуманна.

Однако, оказывается, уважаемые ученые не склонны доверять даже электрохимическим колебаниям, протекающим в их собственном мозге, если их не зафиксирует соответствующий внешний прибор. Раньше-то было все очень просто. Декарт провозгласил знаменитый принцип сомнения, заявив, что сомневаться можно во всем, кроме самого акта сомнения. Но акт сомнения — это мыслительный акт, так что через свое собственное сомнение я могу установить, мыслю я или же нет. Иными словами, я могу сомневаться во всем, но в том, что сомневаюсь, то есть в самом акте сомнения, уже не сомневаюсь. Довольно простой критерий, с помощью которого любой человек определит, сомневается он или же нет, стало быть, мыслит или просто пребывает в состоянии безмыслия. Правда, как только наш субъект попытается выяснить, мыслит он, или же нет, так сразу ступит на тропу мышления, и вероятность определения им своего собственного (мыслительного) состояния становится равной единице.

С развитием науки, получается, все существенно усложняется: узнать, мыслю я или нет, протекают ли в моем мозге электрохимические процессы или еще только раскачиваются, я могу только после того, как подключусь к прибору. А если прибора под рукой не оказалось? Или он забарахлил? Тогда я и ведать не буду, мыслю или нет, не говоря уже о том, правильно ли протекает процесс моего мышления! Слишком серьезное и хлопотное это дело — естествознание: на все надо положить ... прибор, иначе, откуда мы будем знать о мыслях, о какой-то там нематериальной душе. Ну и глупое же было до сих пор человечество: и жило почему-то без приборов, и вообще непонятно, зачем навывдумывало всякой чуши по поводу чего-то там нематериального! Вот пришли знаменитые ученые-академики — и сразу осчастливили все человечество: ничего нематериального, не зарегистрированного приборами, нет и категорически быть не может. Оставьте нематериальные сомнения всяк, подключающийся к прибору!

Не стоит пространно говорить о том, что существует многовековая традиция споров между материализмом и идеализмом по поводу выяснения первичности-вторичности материального или идеального. Излишне здесь напоминать и о том, что в истории человечества существовали и до сих пор не прекращаются многочисленные попытки либо найти способ соединения материального и идеального в единое целое, либо же напрочь оторвать их друг от друга. Все это относится к философии и религии, о которых уважаемые ученые-естествоиспытатели могут иметь самое отдаленное представление. Правда, это, что называется, их личное дело. Но ведь знаменитые ученые, несомненно, сделавшие немало — каждый в своей области — это еще и люди, обязанные элементарно логически мыслить, пусть даже и на электрохимической основе. Почему же в таком случае они не замечают, что нематериальное (=идеальному) потому и нематериально, что противостоит материальному. Нематериальное является отрицанием материального, стало быть, уже чисто логически представляет по отношению к материальному «все наоборот». Прибор — это тоже материальная штука. И, как материальный предмет, он может воздействовать, значит, и регистрировать лишь материальное, к коему, увы, душа никак не относится. А потому все попытки уловить с помощью материального прибора нематериальную душу обречены на провал. Этому противится элементарная логика, не говоря уже о природе самой души.

Пожалуй, в этом отношении поучительной может быть история возникновения и развития нейрокибернетики, поставившей цель исследования явлений сознания, которое, как известно, нематериально³. Ф. В. Бассин, излагая историю исследования бессознательного, подчеркивает, что современная нейрокибернетика исключает представления о сознании из числа рабочих понятий, которые использует учение о мозге, что категория «сознание» как рабочее понятие чужда этой науке, не находит законного места в рамках общей картины мозга, создаваемой нейрокибернетикой [15, с. 37, 44]. С тех пор науки о мозге шагнули далеко вперед, но естественнонаучные исследования еще и еще раз свидетельствуют, что нейрокибернетика, физиология высшей нервной деятельности, другие науки изучают мозг как вещественный субстрат, так и не доходя до изучения сознания как нематериального феномена. Они изучают мозг как «особо сложный кусок вещества», но не находя там сознания, которое и не может нигде конкретно находиться в силу того, что оно нематериально и потому не локализуется в пространстве и времени, начинают говорить, что оно и не существует, что его нет нигде, следовательно, оно вовсе и не нужно, что довольно ограничиться одними лишь «электрохимическими процессами», замеряемыми приборами. Отрицать существование нематериального, включая сюда сознание, мысль, чувство, упование, страсть, легче всего, но этим исследователь волей-неволей лишь расписывается в собственном бессилии. Очень велик соблазн отождествить их с некими материальными, хотя бы и особо тонкими, субстанциями типа торсионных полей, которые когда-нибудь да удастся зарегистрировать с помощью приборов. Такая позиция в философии хорошо известна и называется она вульгарным материализмом, который в конце XX–начале XXI вв., к сожалению, не только расцвел, но и обрел чрезвычайно утонченные формы, о чем свидетельствуют постоянные сенсационные сообщения об открытии учеными то гена «джентльменства», то гена «страсти», то гена «болтливости», то еще какого-либо экзотического гена типа «постоянного ковыряния в носу»... И гораздо сложнее, признавая самостоятельное существование нематериального, заняться исследованием способов его существования, связи с материальным, изучать каналы воздействия нематериального на материальное.

В Интернете можно найти дискуссию о семи смертных грехах, первый список которых был составлен Григорием Великим еще в VI в., а концепция семи смертных грехов распространилась после трудов Ф. Аквинского в XIII в. Смертный грех — это повреждение души, которое ведет к ее смерти, стало быть, к повреждению всей человеческой природы. Некоторые современные генетики стремятся подвести под них соответствующую материальную базу, пытаясь разыскать в человеке гены гордыни, зависти, обжорства, алчности и т. д. В данном стремлении еще нет, как говорится, никакого криминала. Все проблемы начинаются

после того, как на гены, которые, якобы, имеются у человека от природы, перекладывается ответственность за все грехи, так что человек, впадающий в какой-либо грех, вроде бы сам по себе и ни при чем. Какое прекрасное и эффективное «руководство» для оправданий действий любого негодяя! И заметим, с помощью так называемых «открытий» генетики!

А ргорос, продумывая детали данной статьи, смотрю параллельно по каналу «Россия-1» утреннюю передачу. В одном из фрагментов телеведущие взахлеб рассказывают об исследовании поцелуев, их смысле. Оказывается, при поцелуе происходит интенсивная вентиляция легких, усиленно работают мышцы лица, расходуется энное количество калорий, что способствует похудению, вырабатывается гормон счастья и проч. Одним словом, поцелуй — сплошное укрепление здоровья, так что люди, целуйтесь, не стесняйтесь! С удовольствием бы поддержал этот призыв, но вот что-то от всего этого фрагмента оторопь берет, хочется задать вопрос: люди, не сходим ли мы с ума от этакой информации, не шизуем ли? Представляю себе парочку влюбленных, которые перед очередным поцелуем берут калькуляторы и вычисляют продолжительность и интенсивность сего действия, чтобы похудеть на 0,5 кг, провентилировать на 30 % легкие, разогреть мышцы левой половины лица и т. д. Бред какой-то, поставляемый науками! Как мудр и глубок в своих размышлениях А. Ф. Лосев, категорически возражающий против искажения понимания мира со стороны естествознания: «Вы живете холодным блюдом оцепеневшего мирового пространства и изувечиваете себя в построенной вами самими черной тюрьме нигилистического естествознания. А я люблю небушко, голубое-голубое, синее-синее, глубокое-глубокое, родное-родное... Словом, история не сводима на природу, наоборот, сама природа делается понятной только через историю» [17, с. 530].

В этой связи полагаем, что ситуация с грехами и подводимыми под них генетическими основаниями должна быть прочитана ровно наоборот. Многочисленные состояния духа и души были выявлены, зафиксированы, исследованы задолго до того, как возникла генетика и другие науки, имеющие дело прежде всего с материальными процессами. Потому не в одних генах здесь проблема, а в состояниях духовных и душевных, которые никакими материальными приборами зафиксировать невозможно, хотя они и открываются даже беглому взгляду человека. Благодаря научному прогрессу, естествознание спустя многие столетия доросло-таки до возможности исследования материальной (физической и физиологической) подкладки — не иначе — этих состояний. Но по своей простоте и наивности оно перепутало причину со следствием, вообразив, что именно разные там гены, химические вещества отвечают за то или иное состояние души, что именно в этих-то веществах все дело и заключается, что разные движения души есть следствие наличия или отсутствия определенных веществ в организме. Однако в жизни человека чрезвычайно важную роль играют как раз его внутренние нематериальные состояния, которые формируют его телесное бытие, влияют на физическое здоровье, то есть нематериальные движения души и духа играют здесь доминирующую роль, они и выступают в качестве причины, а электрохимические колебания в головном мозге человека — не что иное, как следствие, ибо для обеспечения душевных состояний нужна физиологическая составляющая, тогда как для поддержания банальных электрохимических колебаний в мозге никакой гордыни, никакой алчности, никакой совести или же еще чего-то такого человеческого, слишком человеческого, вообще не нужно — воткни пальцы в розетку и баста! Еще раз повторим слова А. Ф. Лосева, что «история не сводима на природу, наоборот, сама природа делается понятной только через историю», стало быть, и через человека — главного субъекта истории.

Завершая несколько затянувшиеся претензии к Декларации и ее составителям, обратим в заключение внимание на весьма воинственную позицию ученых. Вместо того чтобы поразмыслить над природой нематериальной души, без чего и человек — не человек, и ученые — не ученые, а просто приборы, наши лауреаты и академики заявляют: а действительно ли противники клонирования имеют достаточно серьезную квалификацию, чтобы участвовать в дебатах по этой проблеме? Не больше и не меньше — защитники сверхприродных и религиозных аргументов вовсе не заслуживают того, чтобы ученые могли снизойти до них и

внимать их словам. Почти как средневековая инквизиция, только наоборот: если человек в науке несведущ, то ату его! Это уже не просто интеллектуальный снобизм, но смертный грех гордыни ученых по отношению к обычному человеку, множеству людей малообразованных, неграмотных, однако, чувствующих, мыслящих, надеющихся, верующих, уповающих, любящих, общающихся в числе прочего и со сверхприродными силами. Возможно, прав был П. Фейерабенд, предложивший однажды отделить науку от государства. Он утверждал, что между комплексом научных идей и мифами, религиями никогда не было честного соревнования. Последние «исчезли или выродились не вследствие того, что наука была лучше, а потому, что *апостолы науки были более решительными борцами*, потому что они подавляли носителей альтернативных культур *материальной силой*» [18, с. 513]. Текст Декларации весьма красноречиво свидетельствует о воинствующей агрессивности подписавших ее ученых, которую не снимает их принадлежность к некоей Академии гуманизма. Нет ничего более пошлого и противоестественного, чем агрессивные гуманисты!

Примечания

¹ В настоящей статье развиваются идеи, высказанные автором ранее. См.: [1].

² Существует так называемый принцип хрупкости хорошего, согласно которому «все хорошее (например, устойчивость) более хрупко, чем плохое» [2, с. 82].

³ Отметим, что существуют попытки доказать материальность сознания с опорой на определенную интерпретацию данных современного естествознания. См.: [16].

Литература

1. Рыбаков Н. С. Обретение цельности // Развитие личности в системе непрерывного гуманитарного образования: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 22 марта 2000 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 5–18.
2. Арнольд В. И. Теория катастроф. М.: Наука. Гл. ред. Физ.-мат. Лит., 1990.
3. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. С. 153–324.
4. Найдыш В. М. Концепции современного естествознания. М.: Гардарики, 1999.
5. Найдыш В. М. Концепции современного естествознания.
6. Риккерт Г. Философия жизни. К.: Ника-Центр, 1998.
7. Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб.: АО «КОМПЛЕКТ», 1993.
8. Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма.
9. Лосев А. Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма.
10. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923 // Ильин И. А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 15–88.
11. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129–143.
12. Дильтей В. Категории жизни.
13. Декларация в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований // Человек. 1998. № 3.
14. Преподобный Дамаскин Петр. Творения. М.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001.
15. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. (О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М.: Медицина, 1968.
16. Яковлев А. И. Материальность сознания. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
17. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 393–599.
18. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 467–522.